
РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД НОВОЙ КНИГОЙ

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

© 2020 г. Г. Ю. Канарш

Институт философии РАН, Москва, Россия

E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.02.2020 г.

После доработки 25.03.2020 г.

Принята к публикации 16.04.2020 г.

В статье обсуждается коллективный труд “Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты”, подготовленный Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН под общей редакцией члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина. Рецензент подчёркивает актуальность этой работы, отмечает теоретические новации, в том числе введение новых понятий в научный и философский дискурс, показывает, что многие главы книги содержат ценный в теоретическом и эмпирическом отношении материал. В то же время, по его мнению, некоторые концептуальные утверждения авторов нуждаются в более тщательном обосновании, в частности, идея перехода от государства всеобщего благосостояния к социальному государству. Анализ недостатков государства всеобщего благосостояния с позиций критической социальной теории, осуществлённый в некоторых главах, признаётся не вполне аргументированным. Вместе с тем убедительными, на взгляд рецензента, представляются рассуждения о модернизации как главной предпосылке становления социального государства в России.

Ключевые слова: социальное государство, государство всеобщего благосостояния, российское общество, капитализм, фордизм, постфордизм, социальное неравенство, социальная справедливость.

DOI: 10.31857/S0869587320070051

Несмотря на, как считается, значительно повысившиеся в последние десятилетия в России и в мире уровень и качество жизни (благодаря развитию современного капитализма), проблема социального государства по-прежнему остаётся животрепещущей. Если говорить о мировом контексте, то, как показало недавнее исследование компании Эдельман, представленное в январе 2020 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе, население многих западных и незапад-

ных стран недоволено капитализмом, сетует на продолжающийся рост социального неравенства, боится потери рабочих мест в результате автоматизации производства, а также не доверяет социальным институтам, но доверяет своим работодателям-капиталистам [1]. Впрочем, некоторые исследователи считают такую ситуацию своего рода социальной шизофренией, поскольку растущее недовольство работников, в частности тем, что им платят не такую зарплату, как им хотелось бы, — это неудовлетворённость системой, несмотря на то, что она создаёт множество общественных благ [2].

Известно, что золотым веком капитализма на Западе был период 1950–1960-х годов, когда, в том числе благодаря разработанному американскими социологами и экономистами социальному проекту, в Европе реализовалась модель, получившая название “фордистский компромисс”. Но это был принципиально иной, нежели у знаменитого американского промышленника и капиталиста Г. Форда, проект, особенность которого заключалась в первую очередь в его социальной направленности. В 1960-е годы в западном

КАНАРШ Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии ИФ РАН.

мире складывается феномен, определяемый как государство благосостояния и пришедший на смену первому (довоенному) типу социального государства – минимально защищающему (с. 42). Этот классический тип социального государства стал возможен во многом благодаря тому духу сотрудничества, социальной солидарности, который утвердился в послевоенные десятилетия в национальных государствах Запады [3, р. 121–197].

Однако золотой век оказался довольно короток: кризис западной экономической системы, начавшийся в конце 1960-х годов, привёл к существенной перестройке капитализма и трансформации социального государства. В условиях нарастающей неопределённости (высокая инфляция, насыщение рынков товарной продукцией, обострившаяся международная конкуренция) капитализм постепенно утрачивал стабильные формы, которые он обрёл в рамках “фордистского компромисса”, и становился всё более гибким, высокоадаптивным в условиях стремительно меняющейся реальности. Это движение от устойчивого капитализма послевоенных десятилетий к гибкому капитализму 1980-х и последующих годов характеризовалось в литературе как переход от фордизма к постфордизму [4–7].

Модернизации системы индустриального производства соответствовали серьёзные изменения в социальной политике. Если в фордистскую эру государство выступало в качестве активного защитника интересов трудящихся через широкую систему социального обеспечения и высоких налогов на работодателей, то государство постфордистской эпохи уже совсем другое, значительно ослабившее свою социальную функцию. Это было связано с общей политикой либерализации, которую проводили западные страны, в первую очередь англосаксонские, начиная с 1970-х годов. Но не только государство постепенно уходило из социальной сферы – бизнес также стал строить отношения с обществом, ориентируясь прежде всего на свои интересы, которые, как оказалось, всё меньше совпадали с чаяниями широких масс трудящегося населения. Интересы бизнеса заключались в том, чтобы придать процессу производства максимальную гибкость, а для этого менялась система трудовых отношений: предпочтения всё чаще переходили на систему субконтракта с работниками, постоянную занятость, характерную для фордистской эры, сменила нестабильная, произошла так называемая дуализация рынка труда, характеризующаяся относительным постоянством ядра рабочей силы и неустойчивостью её периферии.

Таким образом, переход к постфордизму с конца 1970-х годов (сами 1970-е годы стали периодом кризиса фордистской системы) значительно изменил характер взаимоотношений эконо-

мики и общества, экономики и государства, что выразилось в ослаблении функций социальной защиты в капиталистическом мире. Начиная с 1990-х годов эту ситуацию обострили процессы глобализации, а в последнее десятилетие её усугубляет стремительное развитие цифрового капитализма, для которого характерна тенденция к наращиванию роботизации и автоматизации производства, вследствие чего возникает реальная угроза сокращения рабочих мест [8].

Как видим, у значительной части населения мира есть вполне реальные основания для недовольства капитализмом. По оценке французских исследователей Л. Болтански и Э. Кьяпелло, сегодня капитализм находится на подъёме (они имеют в виду прежде всего финансовый, спекулятивный капитализм), тогда как общество переживает не самые лучшие времена: растёт безработица, снижается уровень социальной защищённости населения, переживают кризис институты семьи и брака [9].

Особая ситуация наблюдается в последние три десятилетия в России, которая с начала 1990-х годов тоже стала частью мировой капиталистической системы и испытывает на себе воздействие её трансформаций. В этом контексте важнейшим фактором, определившим экономическую и социальную динамику, явилось принятие правящими верхами неолиберальной идеологии, что, как известно, привело к резкому замедлению темпов экономического роста, обнищанию населения и разрушению производства. Несмотря на то, что нынешнее российское государство уже не рассматривается авторитетными исследователями как неолиберальное и олигархическое, в том числе и из-за значительного усиления роли государства в экономике [10, с. 9, 10], прозападные убеждения по-прежнему сохраняются у значительной части российского правящего класса, что хорошо видно по действиям экономического блока российского правительства. И это не может не сказываться на социальной политике государства.

Коллективный труд “Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты”, подготовленный Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН и выпущенный в 2019 г. под редакцией члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина¹, посвящён прежде всего, как следует из самого названия, осмыслению российской действительности с точки зрения возможностей утверждения в России государства благосостояния и в дальнейшем – социального государства (между этими двумя понятиями, по утверждению авторов, есть суще-

¹ Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общей ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019.

ственная разница). В преамбуле указывается на главное противоречие развития социального государства в России: очевидное несовпадение содержания ст. 7 Конституции РФ, гласящей, что российское государство является социальным, и тем, что происходит в реальности. А в реальности, констатируют авторы, мы имеем особый тип социального государства, который определяется ими как “формально правовое, социально слабое государство благосостояния низко-среднего уровня” (с. 39). Иными словами, социальное государство в России всё же есть, что показано также в работе [11], но оно явно не дотягивает до заявленного в основном законе страны. В то же время само наличие такого императива, по мнению авторов книги, делает российскую Конституцию весьма прогрессивным документом даже на фоне конституций многих развитых стран. Справедливости ради отметим, что на указанное противоречие ещё в середине 2000-х годов обращали внимание авторитетные российские исследователи, писавшие о социальном государстве [12, с. 345–364].

Авторы книги рассматривают изучаемую проблему обстоятельно: чётко формулируется предмет и задачи исследования, логично выстраивается его структура, само оно предваряется подробным анализом различных точек зрения на содержание понятия “социальное государство”, представленных в отечественной и зарубежной литературе. Также нельзя не отметить стремление к теоретическим новациям, характерное для авторского коллектива [13]. Например, в научный дискурс вводится новое понятие “конституционная социология и социальная философия”. Как поясняют авторы, “это новое направление, изучающее социально-философские и общесоциологические предпосылки становления и функционирования универсальных для граждан России принципов и норм правопорядка в обществе как социокультурном сообществе людей, роли государства в их осуществлении ради развития человека, общества, его региональных сообществ, организаций и первичных структур. Оно также выявляет специфику методов познания конституционного социокультурного порядка и его компонентов” (с. 17). Заметим, что предлагаемое направление академических исследований имеет аналогии с подобными дисциплинами из других областей знания, в первую очередь с конституционным правом и конституционной экономикой. Анализ конституции с точки зрения её содержания и реализации как исследовательский принцип наиболее последовательно проводится во введении и главе 3, написанных руководителем коллектива и ответственным редактором монографии членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным.

Ещё одна важная теоретическая новация авторов книги, раскрытая уже во введении. Речь идёт

о чётком разделении понятий “государство всеобщего благосостояния” и “социальное государство”. Ставится вопрос: правильно ли мы понимаем содержание двух частей конституционной нормы о социальном государстве? Как известно, в первой её части содержится утверждение, что российское государство должно обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие человека; во второй части — что оно должно обеспечивать необходимые меры социальной защиты. Необходимо выяснить соотношение этих двух частей конституционной нормы не по принципу дополнительности, когда вторая часть конкретизирует первую, а по принципу различного функционального содержания. В связи с этим, по мнению авторов, “есть основания рассматривать две части статьи 7 не только в логическом соотношении их содержания (наиболее общие положения первой части и их конкретизация во второй части), но и как характеризующие две основные функции социального государства, которые соответствуют разным историческим этапам эволюции общества и цивилизации и разным этапам социализации государства. Первая, общая часть данной статьи выражает *универсальную* функцию активной гуманизации общества, которую осуществляет собственно социальное государство, создавая условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека. Вторая, конкретизирующая часть статьи 7 формулирует частную функцию *социальной защиты* слабых слоёв населения, характерную для государства благосостояния. Возникают и развиваются эти функции в обратном порядке: от частной, защищающей функции — к универсальной, гуманистической” (с. 28, 29).

Во введении, главах 2 и 6, а также в других разделах подробно говорится о соотношении государства всеобщего благосостояния и социального государства. И это разделение, несмотря на его неожиданность (обычно указанные понятия рассматриваются как синонимы), логично: социальное государство выступает как качественно новый этап по сравнению с социально защищающим государством второй половины XX в., то есть соответствующее постиндустриальному этапу развития. Однако у внимательных читателей может возникнуть некоторое сомнение относительно эмпирической верифицируемости факта данного перехода (от государства благосостояния к социальному государству как новому типу). Что это — благое пожелание авторов, ратующих за дальнейшую гуманизацию общества, или фиксируемая тенденция, которую можно реально наблюдать? К слову сказать, в монографии нет ни одного примера страны или региона, в котором бы реально происходил или уже произошёл такой переход.

Посмотрим внимательно на ситуацию в современном мире, которая стремительно меняется.

Ещё совсем недавно, 10–15 лет назад, разговор о новом гуманистически активном социальном государстве показался бы чистой утопией. С одной стороны, уже с конца XX в., как отмечалось выше, происходит ослабление функций социального государства, а в конце 1990-х — начале 2000-х годов появляется даже известная концепция “третьего пути” для наиболее развитых европейских стран в условиях глобализации [12, с. 345–364]. Согласно этой концепции, важнейшим элементом обновлённого социального государства становится принцип *самоответственности индивида*, который отныне всё меньше рассчитывает на помощь со стороны государства. Функция социальной защиты возлагается уже не столько на него, сколько на структуры гражданского общества, поскольку в условиях глобализации государство стремительно теряет доступ к ресурсам, позволяющим ему быть социально активным. В условиях перестройки капитализма и социального государства в развитых странах, как представляется, достаточно сложно было говорить о переходе к новому, ещё более гуманному, типу взаимодействия государства и общества, экономики и общества. Единственный регион, где сохранилось сильное государство благосостояния, сочетающееся сегодня с развитым информационным обществом, — это Скандинавия [14]. Но и там речь должна идти скорее о модернизированном государстве всеобщего благосостояния, характеризующемся сильной социальной политикой, системой социального страхования, достойными пенсиями, пособиями и т.д. (модели социального государства в Европе и их трансформация рассмотрены в работах [15, 16]).

С другой стороны, в последнее десятилетие всё сильнее на Западе, да и в остальном мире начинает продвигаться идея радикально новой социальной политики, содержание которой определяется введением так называемого *безусловного основного дохода*. Локальные эксперименты с базовым доходом проводились в разные годы во многих странах (Италия, Финляндия, Нидерланды, Индия, Намибия). Широкую известность получил референдум 2016 г. в Швейцарии, на котором граждане страны должны были проголосовать в пользу или против внесения в конституцию страны положения о всеобщем базовом доходе. Помимо собственно экспериментов, развернулась широкая общественная и научная дискуссия относительно базового дохода, в рамках которой звучит множество аргументов как в пользу, так и против его введения [17]. В связи с обсуждаемой книгой хотелось бы отметить главное: один из ключевых аргументов в поддержку базового дохода — идея о том, что он может способствовать освобождению человека от экономической необходимости и таким образом сделать труд (если он сохранится в посттрудовом будущем) подлинно свободным. То

есть, не испытывая экономической необходимости трудиться ради пропитания, человек сможет развить свою активность, основываясь исключительно на собственных способностях и личных склонностях, что приближает идею посттрудового будущего, основанного на автоматизации и базовом доходе [18], к хорошо известной коммунистической идее. В этом контексте мысль о переходе к новому типу социального государства, высказанная авторами книги, действительно представляется весьма и весьма убедительной.

Обращаясь к другим темам, затронутым в монографии, нельзя не согласиться с важными утверждениями, приводимыми во введении. Прежде всего речь идёт о принципиальной роли концепта “человеческое достоинство”, которое определяется авторами через свободное развитие способностей человека (с. 35) и в большей мере соответствует новой стадии — социальному государству. Кроме того, верным представляется вывод авторов относительно природы государственности в СССР: как они считают, в Советском Союзе по ряду причин не было социального государства как такового, но проводилась сильная социальная политика. А социальная политика, справедливо утверждается в монографии, “более широкое понятие, чем социальное государство” (с. 36). Государственность в СССР была направлена не на классовый компромисс, как это предполагается в случае социального государства, а прежде всего на утверждение и историческое доминирование интересов одного класса — трудящихся. То есть интересы других классов в таком государстве не признавались и не могли быть признаны, что категорически не отвечает самому характеру социального государства. Об этом достаточно подробно говорится в других отечественных работах по рассматриваемой проблеме [11, 12].

Верными нам представляются и суждения авторов книги о природе современного российского капитализма, который характеризуется как олигархически-компрадорский (с. 37), несмотря на произошедшие после 1990-х годов значительные трансформации (обуздание олигархической “вольницы”, усиление роли государства в экономике и т.д.). В этом контексте авторы пишут о необходимости перехода от стратегии “модернизации для своих”, характерной, например, для многих латиноамериканских стран, к стратегии “модернизации для всех”, или модернизации в интересах большинства народа. Субъектом такой модернизации “в среднесрочной перспективе должно стать сильное демократическое правовое государство” (с. 38).

Весьма важным с точки зрения перехода к новому типу модернизации и особой роли социального государства видится тезис авторов о том, что

российскому обществу необходимо новое, соответствующее гуманистической культуре понимание человеческого достоинства. Одна из основных проблем России в том, что в ней исторически доминирует линия на утверждение не человеческого достоинства, а властного произвола (“авторитарная вседозволенность”, в терминах авторов книги), которая начинает быть нормой для нашей страны начиная с ордынского ига. В реальности это означает систематическое попрание человеческого достоинства, произвол вышестоящих по отношению к нижестоящим. Если мы хотим видеть Россию сильной современной страной, эта ситуация должна быть радикальным образом изменена.

Итак, уже во введении задана общая концептуальная рамка исследования и поставлены важные вопросы, которые рассматриваются в последующих главах. Первая глава книги, подготовленная Ю.Д. Граниным, посвящена исторической эволюции социального государства, начиная с XVI в. На мой взгляд, это один из лучших текстов по истории социального государства, написанных на русском языке. Автор опирается на большую историко-теоретический материал (работы М. Фуко, К. Поланьи, многих других исследователей западноевропейской экономической истории и мировоззрения) и представляет нам широкую панораму изменяющихся взглядов, представлений и исторических практик социальной политики в контексте развития капитализма в Западной Европе. С идеями и практиками сильной социальной политики, которые возникают только во второй половине XIX столетия, связаны имена таких выдающихся мыслителей, как К. Маркс и Дж.Ст. Милль. Ещё два ключевых имени той эпохи — немецкий мыслитель Л. фон Штейн и государственный канцлер объединённой Германии О. фон Бисмарк. Штейн теоретически обосновал в своих трудах идею консервативного социального государства под эгидой монархии, Бисмарк воплотил эту идею на практике.

Конец XIX — начало XX в. — время становления первого типа социального государства в Европе, названного авторами книги “минимально защищающим”. Согласимся с характеристикой, согласно которой этот этап, продолжавшийся вплоть до середины XX в., в целом может быть назван социалистическим, поскольку роль идей социализма в различных его вариантах и идеологических сочетаниях в этот период значительна. Интересно, что Россия, показавшая высокие образцы социальной политики сразу после революции 1917 г., как известно, пошла за Марксом, тогда как Западная Европа выбрала эволюционный путь. При этом умеренность и прагматизм, как показано Ю.Д. Граниным, были характерны не только для европейских либералов (Дж.Ст. Милль), но также для консерваторов (Бисмарк) и в немалой

степени для социал-демократов. Думается, в этом различии стратегических линий построения социального государства (эволюционной на Западе и революционной в России) видится несовпадение национальных характеров западных народов и россиян [19]. В качестве культурной девиации можно рассматривать фашистские режимы, сложившиеся в первой половине XX в. в Италии, Германии, Испании и Португалии, однако, как показано в книге, для этих режимов характерна сильная социальная политика и высокие темпы экономического развития. Достаточно подробно рассмотрена в данной главе эволюция социального государства в Европе во второй половине XX в., когда сложились три классические его типа: континентальное социальное государство на основе модели Бисмарка, англосаксонское на основе модели Бевериджа и североευропейское, или нордическое, на основе шведской модели. Эти три типа социального государства с некоторыми модификациями существуют до сих пор.

Экскурс в историю социального государства в Европе логично продолжает вторая глава, посвящённая его судьбе в эпоху глобализации. Однако неожиданно для себя мы сталкиваемся здесь не с анализом его эволюции, а скорее, с его оценкой, подчас довольно жёсткой, с позиций критической социальной теории (Ю. Хабермас и другие представители Франкфуртской школы). Так, задаваясь вопросом, насколько государство всеобщего благосостояния социально, автор этой главы Ю.М. Резник отвечает на него следующим образом: “Государство, которое объявляет себя социальным, не должно предоставлять ни одной социальной группе существенные экономические и политические привилегии. Оно становится на сторону большинства, выражая интерес основных классов или групп общества и поддерживая единство (социальное согласие) между ними. Именно в этом, а не только в оказании помощи нуждающимся, его практический смысл. *Но всего этого нельзя сказать о государстве всеобщего благосостояния*” (с. 98; курсив мой. — Г.К.).

Полностью согласимся с общетеоретической характеристикой социального государства, данной автором главы, однако не вполне понятно, почему он отказывает в способности выражать всеобщий интерес государству благосостояния. Тем более что далее в тексте мы вновь встречаем вполне адекватную характеристику: государство благосостояния — “это государство здравого смысла, которое в своей политике исходит из принципа разумного самоограничения” (с. 98). Совершенно верно, именно разумное самоограничение, классовый компромисс и идеология корпоративизма — столпы государства всеобщего благосостояния в Европе, что убедительно показано в предыдущей главе. Но Ю.М. Резник настаивает: “Государство всеобщего благосостояния

не является в полной мере социальным, поскольку оно выполняет лишь отдельные функции социального государства, не меняя в принципе свою природу” (с. 98). Мы согласны с концептуальным разделением государства благосостояния и социального государства, осуществлённым авторами книги, однако, в отличие от Ю.М. Резника, считаем, что государство благосостояния по своему выражало (и выражает) общий интерес и достойно выполняет важные функции социальной защиты.

Однако о какой природе социального государства говорит автор главы? С его точки зрения, природа государства благосостояния, несмотря на то, что оно находится на границе “системного” и “жизненного” миров, — сугубо классовая, и выражает оно прежде всего классовый (а точнее, класса капиталистов) интерес. В своих рассуждениях Ю.М. Резник ссылается на двух видных современных теоретиков — американца А.У. Гоулднера, осуществившего системную критику современного капитализма, и на немецкого философа Ю. Хабермаса, реализовавшего его более мягкий экзистенциальный анализ. Так, с точки зрения системной критики капитализма, в главе делается вывод о том, что “государство всеобщего благосостояния не смогло решить большинства проблем, которые на него возлагались общественностью. Оно так и остаётся бюрократической машиной, порождённой современным капитализмом со всеми его пороками” (с. 105). При этом, как утверждается (вслед за А.У. Гоулднером), для исторического государства благосостояния характерны ценности утилитаризма и прагматизма, которые свойственны в большей мере “системному” миру, нежели “жизненному” — миру гуманистических смыслов и ценностей. Государство всеобщего благосостояния стремится прагматически перестроить общество, пытаясь сделать большинство индивидов полезными с точки зрения капиталистической рациональности, в чём, на взгляд авторов, придерживающихся левых взглядов (Гоулднер, Хабермас), состоит его антигуманистическая направленность. Между тем утилитаризм и прагматизм — это не просто ценности “системного” мира, проецируемые на “жизненный” мир, но особенности западной, в частности американской, ментальности, которые обусловили возникновение капитализма и столь же эффективно им поддерживаются. Конечно, в определённые исторические периоды, например в XIX в., капитализм принимал антигуманистическую направленность, однако были и периоды, когда он служил общественным интересам (период “фордистского компромисса” на Западе или сегодняшний капитализм в Восточной и Юго-Восточной Азии), что, естественно, было связано с практиками социализации капитализма. Государство всеобщего благосостояния, возникшее на капиталистическом Западе, и не может быть

иным, то есть не утилитаристским и не прагматическим, поскольку оно неизбежно несёт на себе отпечаток западноевропейской культуры и рациональности. Поэтому критика государства благосостояния с позиций критической социальной теории не кажется убедительной. Хотелось бы также видеть в этой главе рассуждения автора о состоянии социального государства в эпоху глобализации, о чём заявлено в названии главы.

Впрочем, нельзя не согласиться с Ю.М. Резником в том, что государство благосостояния на Западе действует весьма утилитарно и прагматически, тогда как опекаемым им людям подчас требуется живое тепло и участие (с. 202). Но, думаю, иной тип государства благосостояния может состояться в лишь иной — незападной — культуре, с иными — непрагматическими — ценностями, иными душевными (характерологическими) особенностями людей. Гуманистический тип социального государства мог бы состояться на российской почве, которой чужд западноевропейский прагматизм.

Между тем, как показано во второй части рецензируемой книги, государство в России всё ещё далеко не только от высоких идеалов социального государства, но даже от прагматически утилитарных установок классического государства благосостояния Запада. В главах, написанных Л.А. Беляевой и Н.И. Лапиным, с опорой на статистику и социологические исследования последних лет показано, что основная социальная проблема российского общества состоит в чрезвычайно высоком уровне социального неравенства, фактически раскалывающего общество на две неравные части: одна — богатые и относительно благополучные слои, другая — слои, пребывающие в состоянии относительной и абсолютной бедности (более 40% населения). Этот сохраняющийся уровень неравенства недопустим, однако властью в России до сих пор не предпринимается серьёзных попыток снизить его.

В монографии подробно обсуждаются меры, которые необходимо предпринять для снижения неравенства и реализации справедливой социальной политики. Формулируется важный вывод о радикальном изменении ценностных ориентаций россиян: если в советский период люди целиком уповали на государство в деле социальной защиты, то сегодня в массе своей они не рассматривают государство как “подателя благ” и учатся быть самостоятельными. Однако это не означает, что государство должно самоустраниться из сферы социальной политики: наилучшими авторами считаются действия в духе немецкого экономиста и государственного деятеля Л. Эрхарда, когда государство создаёт институциональные условия для социальной и экономической активности индивида, и в этих условиях человек самостоятельно

добивается успеха. И всё же думается, что в чистом виде рецепты немецкого экономиста, скорее всего, не могут быть реализованы в России, где значительная часть населения по-прежнему зависима от социальной поддержки государства. Оно будет вынуждено и в последующие годы осуществлять патерналистскую функцию по отношению к многочисленным группам наших граждан.

В главе 4, подготовленной членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным, обращают на себя внимание теоретические новации, в частности, говорится не просто о разрыве в уровне доходов, но о сравнительных «доходных весах» разных слоёв населения России. Сравнительные веса показывают не только экономическое значение той или иной страты российского общества, но и её социальную и политическую роль, обретаемую ею прежде всего за счёт той части налогов, которую она передаёт в бюджет государства. И здесь авторы книги вновь фиксируют чрезвычайно высокий социальный разрыв между бедными и богатыми — более чем в 15 раз. Н.И. Лапин использует предложенную им самим и рассчитанную учёными Вологодского научного центра РАН довольно сложную методологию социологического анализа, основанную на соотношении различных коэффициентов и позволяющую более тщательно изучить реальную ситуацию. Что важно, авторы приводят данные не только в целом по России, но дают и сравнительную социологическую характеристику различных регионов, существенно различающихся по уровню неравенства. Можно поддержать главный вывод: социальное неравенство сокращается вместе с повышением уровня модернизованности общества в целом или отдельного региона, что хорошо демонстрирует пример Москвы и Московской области.

Единственное замечание ко второй части книги: в главе 3 (весьма продуманной и содержательной) приводятся разные данные об уровне социального неравенства в России. Так, в одном месте говорится, что относительная бедность затрагивает более 20% населения; в другом — уже о более чем 40%. Видимо, этот разноречивый объясняется тем, что на протяжении 2010-х годов статистические данные и их интерпретация часто менялись: например, в первой половине десятилетия количество бедных в стране составляло более 40%, однако в 2016 г. оно сократилось до 20% за счёт увеличения социальных пособий, но с углублением кризиса во второй половине 2010-х годов показатель вновь вырос. Авторам следовало бы разъяснить причины и характер этих изменений.

Обратимся теперь к заключительной, третьей, части коллективного труда. Глава 5 (автор Н.А. Касавина) посвящена анализу понятий гуманизма и человеческого достоинства в контек-

сте становления социального государства. Справедливо утверждается, что социальное государство в России может состояться только при условии целенаправленной модернизации общества, которая создаёт материальные и социальные предпосылки для становления государства нового типа (с. 199). Глава 6 (автор Ю.М. Резник) продолжает тему главы 2, в ней обсуждается проблема перехода от государства всеобщего благосостояния к социальному, активно гуманистическому государству. По мнению автора, на настоящем этапе в России необходимо формировать институт государства благосостояния, уже реализованный в практике западных государств (с. 221).

Суть выводов, формулируемых в заключении книги, сводится к тому, что в настоящий момент в России реализуется консервативный проект социального государства, нацеленный на сохранение статус-кво и совместимый с высоким уровнем социального неравенства. Однако, как справедливо пишут авторы, этот приемлемый для власти подход противоречит интересам большинства граждан России, которые придерживаются ценностей гуманизма. Поэтому России необходим компромисс между гражданским обществом и властью, предполагающий преодоление чрезмерного неравенства и создание сначала всеобщего (защитающего) государства благосостояния, а затем и активно гуманистического социального государства. Двигателем такого развития должна стать планируемая и управляемая модернизация экономики страны. Судя по всему условия для реализации этой стратегии в современной России начинают формироваться [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьёва О. Элита в Давосе обсудит проблемы бедных // Независимая газета. 2020. 21 января. С. 1, 4.
2. Иноземцев В. Мир заболел шизофренией // Московский комсомолец. 2020. 25 января. <https://www.mk.ru/economics/2020/01/24/bolshe-poloviny-zhiteley-vedushhikh-stran-priznali-vred-kapitalizma.html>
3. Harvey D. The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, 1990.
4. Post-Fordism: a reader / Ed. by A. Amin. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
5. Постфордизм: концепции, институты, практики / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартыанова. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
6. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной. Под ред. Е.Л. Варгановой. М.: Аспект-Пресс, 2004.
7. Шевчук А.В. Постфордистские концепции (критический анализ). Казань: КГУ, 2000.

8. *Форд М.* Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
9. *Болтански Л., Кьянелло Э.* Новый дух капитализма / Пер. с фр., под общей ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
10. История модернизации как предмет социально-философского анализа. Сб. статей / Отв. ред. В.Г. Федотова, В.А. Колпаков. М.: ИФРАН, 2014.
11. *Кочеткова Л.Н.* Философский дискурс о социальном государстве. М.: ИНФРА-М, 2012.
12. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
13. Атлас модернизации России и её регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016.
14. *Химанен П., Кастелс М.* Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / Пер. с англ. А. Калинина, Ю. Подороги. Послесловие Б. Кагарлицкого. М.: Логос, 2002.
15. Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь мир, 2011.
16. Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
17. *Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.* Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
18. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2019.
19. *Канарш Г.Ю.* Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. М.: Ленанд, 2020.
20. *Миронов С.* Вектор грядущих перемен. Развитие страны должно определяться народным запросом на справедливость // Независимая газета. 2020. 4 февраля. С. 7.